

ТЯЖКАЯ НОША ОДАРЁННОСТИ

Из доклада К. Юнга съезду работников средних школ
(Базель, 4 декабря 1942 года)

Пересказал Вячеслав Михайлович Букатов

В условиях развивающейся России как никогда актуально звучат слова выдающегося психолога с мировым именем — Карла Юнга, обращённые к учителям более шестидесяти лет назад. Он подметил, что одарённость ребёнка часто сопровождается весьма неблагоприятными учительскими характеристиками: нерадивый, халатный, невнимательный, озорной, своенравный. Поскольку одарённые дети, как правило, предрасположены к внутренней конфликтности, то для них особо полезны любые проявления личного участия и внимательности учителя. С чем бы вы согласились, а с чем поспорили? Предлагаем вам самостоятельно ответить на эти вопросы.

- одарённый ребёнок • аномальная скороспелость • самовоспитание личности • дисгармоничность • неординарность • талант
- духовно-моральный базис • континуальность

Даже в такой маленькой стране, как Швейцария учительское внимание к слабоодарённым приводит к тому, что подлинны таланты (столь обществу необходимые) оказываются не только без должного, но даже и какого-либо присмотра. Как если бы их пестование являлось чем-то весьма сомнительным или даже непристойным.

Прискорбный вывод

Как это ни удивительно, но для школы самым «крепким орешком» оказывается — ни много, ни мало — одарённый ребёнок. Особенно для тех учителей, которые руководствуются принципом «помогать слабым». Ведь этот, казалось бы, вполне милосердный принцип то и дело оборачивается то беспечным равнодушием, то преступной чёрствостью по отношению к действительно одарённым детям.

Подобный парадокс становится понятен, если вспомнить, что в мире взрослых посредственность, как правило, недоверчива. И предпочитает с подозрением относиться ко всему, чего не может ухватить своим интеллектом.

Для многих людей (включая, к сожалению, и школьных учителей) диагноз: *il est trop intelligent* (он чересчур умен — фр.) оказывается достаточным основанием для самого прискорбного вывода!

Искусственное оболванивание

Весьма развитая (как говорится, «не по годам») девочка была принята в первый класс. Через некоторое время родители обнаружили, что она стала плохо учиться. Рассказы дочери привели родителей в недоумение. У них создалось впечатление, что

с детьми обращаются на уроках, как с идиотами, искусственно оболванивая их.

Мать отправилась на приём к директору школы. И там она узнала, что по своему образованию учительница — дефектолог. И что до этого она работала в школе для детей с задержкой в развитии. Тут мать поняла, что учительница её дочери скорее всего вообще не представляет, как вести уроки с нормальными детьми.

Родители перевели дочь в другую школу, где она попала к нормальной учительнице. И ребёнок вновь расцвёл.

Трудности распознавания

В любом классе одни дети учатся лучше, другие хуже. Как правило, о первых учителя говорят как о более способных. Многим учителям именно с ними удобно работать на уроке и по их ученическим успехам судить о результативности своей деятельности.

Но входят ли в их число так называемые одарённые дети? Как правило, нет! В большинстве случаев мы имеем как раз обратное. Жизнь показывает, что одарённость ребёнка часто сопровождается весьма неблагоприятными учительскими характеристиками: нердивый, халатный, невнимательный, озорной, своенравный.

А из многих биографий выдающихся людей мы знаем, что одарённый ребёнок в детстве может даже производить впечатление зашпанного. Современные психологи — так те и вовсе считают, что при одном лишь внешнем наблюдении за детьми бывает очень трудно отличить ребёнка одарённого от умственно отсталого.

Итак, проблема детской одарённости начинается с трудности распознавания. Тем не менее сердобольные воспитатели то и дело приписывают признаки даровитости кому попало. В первую очередь любимчикам, кото-

рые впоследствии оказываются самыми что ни на есть никчёмными людьми. Так что дотошным журналистам потом поневоле приходится ехидно констатировать: «До четырнадцатилетнего возраста в нём не было заметно никаких признаков гениальности; но и после тоже».

«Заспанный» ребёнок

Невнимательность, разбросанность или некая «заспанность» у детей, оказавшихся потом одарёнными, не случайны. Оказывается, эти столь неудобные для взрослых (родителей и школьных учителей) качества поведения формируются у ребёнка как своеобразная защитная реакция от внешних влияний.

Обороняясь от различных (в первую очередь педагогических) целей и желаний окружающих, ребёнок отвоёвывает возможность предаваться внутренним процессам фантазии или каким-то особым своеобразным наклонностям.

Но следует помнить, что и фантазирование и необычность пристрастий сопутствуют не только ещё спящему или только начавшему своё развитие таланту, но и ранним стадиям многих неврозов и психозов. Правда, фантазиям одарённости свойственна не только оригинальность, последовательность, утончённость и интенсивность, но и главным образом заложенная в них возможность последующего претворения во внешней жизни.

Очень часто у ребёнка, который со стороны казался вполне ординарным или даже проблематичным, могут обнаруживаться весьма поразительные пристрастия: например, ночами напролёт заниматься чтением книг, проглатывая их дюжинами и, казалось бы, без всякого разбора.

Или вот припоминаются мне мальчики, которые в школе отличались чудовищной глупостью, тогда как в крестьянском промысле родителей они были образцово дельными, ловкими и не по годам смекалистыми.

Но все подобные случаи могут распознаваться учителями только тогда, когда они будут интересовать не столько отметками в журнале (по которым следовал бы ошибочный вывод о плохой успеваемости ребёнка), сколько самим ребёнком, особенностями его поведения, интересов, фантазий и пристрастий.

Диапазон противоположностей

Душевные наклонности одарённого человека, как правило, находятся в широком диапазоне противоположностей. Ведь дарование чрезвычайно редко охватывает все внутренние свойства и качества человека. Поэтому развитие отдельных свойств и качеств может оказаться чудовищно неравномерным.

Аномальная скороспелость в чём-то одном может соседствовать с вопиющей недоразвитостью в другом, что нередко вводит окружающих в заблуждение. Они видят явную недоразвитость или даже отсталость ребёнка (например, духовную) и, уже не ожидая от него вообще никаких способностей, «ставят на нём крест».

Чаще всего недоразумения случаются, когда взрослые пытаются судить о ребёнке по развитости его речи. Вполне может случиться, что скороспелый интеллект ребёнка не сопровождается соответствующим развитием его языковых возможностей. В результате речь ребёнка оказывается для взрослых подозрительно сбивчивой или даже вообще невразумительной.

В подобных случаях учителей от ошибочного суждения может уберечь только их добросовестная профессиональность. То есть их искренний интерес к ребёнку. А искренность проявляется и в направленности внимания учителя, и в его поведении по ходу объяснения, и в обилии неформальных вопросов к ученику, и в том, насколько терпеливо учитель будет дожидаться детского ответа и, не перебивая, выслушивать его до конца.

Неверные представления

Следующая весьма частая причина многих недоразумений связана с уверенностью большинства взрослых, что математика является лучшей школой логического мышления.

ШКОЛА И ВОСПИТАНИЕ

Среди и учителей и родителей господствуют весьма неверные представления, что способность к логическому и абстрактному мышлению воплощена, так сказать, в математике. И потому последняя является лучшей школой логического мышления.

Однако, что математические способности, что родственные им музыкальные, — это способности, которые не тождественны ни логике, ни интеллекту, но пользующиеся их услугами точно так же, как философия и наука вообще.

Не может быть музыкальности у человека, не имеющего и следов интеллекта. С другой стороны, известные поразительные счётные способности могут встречаться даже у имбецилов.

Невозможно вдолбить понимание ни музыки, ни математики, потому что и то и другое связано с особыми, вполне специфическими способностями.

Самовоспитание взрослого

Проблемы воспитания одарённого ребёнка связаны не только с интеллектуальной областью, но, пожалуй что, в ещё большей степени — с областью чувств.

Взрослыми, как правило, недооценивается (либо вообще упускается из виду) и особая чувствительность (весьма тонкая — не по возрасту! — у некоторых детей) к этическим вопросам. Привычное для нашей взрослой повседневности передёргивание, враньё и прочая моральная расхлябанность становятся для морально одарённого ребёнка весьма затруднительной проблемой.

Дары сердца зачастую не столь явны и навязчивы по сравнению с интеллектуальными или техническими способностями. У взрослых же, озаботившихся воспитанием, даровитость ума ценится,

как правило, выше даровитости сердца. Хотя именно она выдвигает весьма серьёзные требования к взрослым. Воспитывающий ребёнок сам должен быть воспитан! Если это не так, то неизбежно придёт день, когда ученик повторит не то, чему его учил воспитатель, но то, чем последний является в окружающей его жизни.

Поэтому каждый воспитатель (в самом широком смысле этого понятия) постоянно должен ставить себе вопрос: реализует ли он сам в своём собственном поведении то, чему учит воспитанника? И отвечать на этот вопрос ему нужно будет по чести и совести.

В психотерапии мы уже давно поняли, что исцеляющее действие на человека оказывает в конечном счёте не знание и техника терапевта, а его личность. В педагогике — тем более — та же закономерность: воспитание любого ребёнка предполагает самовоспитание взрослого.

Каверзные противоречия

Талантливое сердце, глубина чувства, часто достойные удивления, могут позволять ребёнку (особенно девочкам) так ловко приносиваться к учителю, что на почве его значительных успехов возникает ложное впечатление о некой особой универсальной даровитости ребёнка.

Однако с прекращением воздействия личности учителя одарённость ребёнка также может исчезнуть. Предыдущие достижения, оказывается, были не более чем порывом энтузиазма, вызванным к жизни чувственной зачарованностью сердца, — порывом, угасшим, как мимолётная вспышка, и оставившим после себя пепел разочарования.

Подлинное же воспитание одарённых детей оказывается связанным с весьма жёсткими и своеобразными требованиями к воспитателю. Их целый букет: и психологические, и интеллектуальные, и моральные, и даже артистические.

И в каждом из них есть свои каверзные противоречия. Например, артистизм учителя должен включать — во избежание «пепла разочарования» у ряда учеников — и такие антиобаятельные проявления, как ситуативная холодность, неприступность и суровость.

Так что ожидать от учителя выполнения всех этих требований было бы совершенно неразумно. Ведь в таком случае он сам должен быть гением!

Небезусловная ценность

К счастью, однако, многие дарования обладают завидным свойством: они в значительной мере сами о себе способны позаботиться. И чем более одарён ребёнок, тем более он склонен к самовоспитанию своей личности.

А в случае «гениальности», способность к личностному самовоспитанию может столь далеко превосходить возраст ребёнка, что её в пору сравнивать с неким божественным демоном, который в каком-либо развитии или воспитании не нуждается. Более того, от которого, скорее всего, ребёнка следует защищать.

Большие дарования — это не только прекрасные, но и часто весьма опасные плоды на древе человечества. Они зреют на обычных ветвях, которые так легко обламываются...

Развитию одарённости большей частью свойственна дисгармоничность. Известно, что у гениев несоответствие между их творческим потенциалом и человечностью может быть столь велико, что вправе ставить вопрос: а не будет ли лучше, если даровитость окажется не столь великой? Ведь что такое в конечном счёте великий ум при моральной неполноценности? Пародия на человека. Какое-то недоразумение.

Любая одарённость совсем не безусловная ценность. Но она ею может стать, если

все остальные качества личности идут с нею в ногу. Добро же или зло будет плодить творческий потенциал, зависит от духовно-морального базиса личности. И если предпосылок для такой целостности нет, то никакая воспитанность не сможет заменить её собой.

Инфляция превосходства

Считается, что для воспитания особо одарённых детей следует открывать специальные классы. Дескать, в нормальных классах они будут изнывать от скуки. Хотя с подобным аргументом и трудно не согласиться, всё же я подчеркну, что не желал бы быть экспертом, которому в обязанность вменяется отбирать пригодных для обучения в этом классе детей.

А во-вторых, в связи с тем что по своим человеческим достоинствам такие дети отнюдь не всегда находятся на высоте, то при обучении в специальных классах мы, к сожалению, можем получить «односторонне развитый продукт». Тогда как обучение одарённого ребёнка в обычном классе гарантирует ему весьма полезный и морально необходимый эффект.

Одарённые дети очень часто избалованы. И большинство неприятностей, поджидающих их в предстоящей жизни, связано с тем, что они, являясь «односторонне развитым продуктом», будут постоянно требовать к себе исключительного отношения. Поэтому мне кажется, что для одарённого ребёнка будет лучше, если обучать его в обычном классе, с обычными детьми. А не подчёркивать его исключительность, зачисляя в какую-то особую школу.

Тогда на одних уроках он будет видеть своё явное превосходство, а на других — своё явное отставание, ущербность, определённую недоразвитость. А так как основная проблема у одарённого ребёнка в получении необходимой инфляции своего чувства превосходства, то именно её он и сможет получить в обычном классе. И именно обычный класс заставит его развивать в себе соответствующее чувство смирения.

Ведь, в конечном счёте, школа — часть большого мира. И ребёнку полезно сталкиваться с проблемами, которые его будут окружать

ШКОЛА И ВОСПИТАНИЕ

в последующей жизни и с воздействием которых он должен будет справиться. Хотя бы отчасти этому приспособлению можно и нужно учить уже в школе.

Моральный нокаут

В двенадцать лет я часто ужасно скучал на школьных уроках. И с трудом терпел одноклассников, из-за которых учителям по сто раз приходилось повторять одно и то же. (Помнится, как однажды мне выпало счастье во время проверки домашних упражнений отправиться в библиотеку за книгами. Уж как и с каким восторгом я их со всех сторон обнюхивал, максимально растягивая обратный путь в класс.)

Однажды какая-то тема для сочинения показалась мне столь интересной, что я всерьёз, с величайшим старанием и довольно долго всё шлифовал и шлифовал изложение собственных мыслей. С уверенностью, что я написал лучшее сочинение, я сдал тетрадь.

Учитель имел обыкновение при возвращении проверенных сочинений обсуждать работы. Сначала лучшие, потом — в убывающем порядке — все остальные. Моё не было ни первым, ни вторым, ни даже третьим.

В конце концов, когда было обсуждено самое худшее сочинение, учитель надулся и изрёк: «Сочинение же Юнга — самое что ни на есть лучшее. Но! Для него задание было парой пустяков. И он выполнил его играючи, легкомысленно и беспечно. Поэтому он не заслуживает вообще никакой оценки».

— Неправда! — закричал я, перебивая его. — Я никогда так много, как над этим сочинением, не трудился.

— Нет, правда! Вот N, — и он указал на автора худшего сочинения, — приложил много усердия, хоть у него

и ничего не получилось. Но он добьётся от жизни своего. А у тебя ничего не выйдёт, потому что ловкостью и шарлатанством тебе не отделаться.

Я так сильно обиделся, что с тех пор вообще перестал работать на его уроках.

Инструмент судьбы

И вот прошло с того времени почти полвека. Сначала я долгое время лелеял надежду, что в современных школах многое должно измениться к лучшему. Но когда та обида на учителя осталась далеко (и окончательно!) позади, я вдруг осознал, что обида эта побуждала меня к долгим размышлениям. И именно след того горького чувства, пережитого на том памятном уроке, впоследствии помог мне найти дорогу к послушному смирению и мужественной прозорливости.

Теперь-то я понимаю, что мой учитель, отправляя меня в «моральный нокаут», был инструментом судьбы. Он был первым, кто дал мне почувствовать, что «дары богов» имеют две стороны — светлую и тёмную. Коль засветился, высунулся, так жди побоев. И если ты этих побоев — затрещин и подзатыльников — не получишь в детстве, то уж во взрослой-то жизни обязательно. А в первый раз, как ни крути, их лучше получать от учителя, нежели потом от самой судьбы. (Или сразу от обоих.)

Итак, таланту лучше заблаговременно и самым серьёзным образом приучать себя к тому, что великие способности — тяжкая ноша. И любой дар на деле оборачивается не столько каким-то исключительным почитанием окружающих, сколько невероятно повышенной требовательностью к самому себе.

Талант от губительного соблазна исключительности могут уберечь лишь смирение и послушание. Да и то не всегда...

Ущерб поправимый и непоправимый

Любые недоразумения возможны. Вот, например, мой учитель руководствовался вполне благородным принципом: помогать слабым и искоренять зло. В результате же получилось не благородство, а прискорбная на него карикатура. Это случается, когда те или иные правила (казалось бы, вполне прекрасные) возводятся в степень бездушных принципов, применяемых бездумно и автоматически.

Однако возможные недоразумения, как правило, для одарённого ребёнка не становятся непоправимой катастрофой. В трагическую фатальность эти недоразумения начинают складываться только в тех случаях, когда или они оказываются хроническими (а такое в учительской среде хоть и случается, но всё же достаточно редко). Или когда ранимость одарённого ребёнка необычайно сильна, а поменять учителя нет никакой возможности.

Но смена учителя даёт благие результаты лишь в том случае, если он действительно являлся причиной конфликта. Однако это далеко не всегда так. Гораздо чаще учителю приходится безвинно терпеть обвинения в свой адрес, стоит только ему начать разбирать завалы домашнего воспитания.

Слишком часто родители слепо стремятся воплотить в своём ребёнке те амбиции, которые когда-то сами они так и не смогли реализовать. В результате, как это можно видеть на примерах некоторых вундеркиндов, детям наносится непоправимый ущерб.

Под маской гениальности

На самом деле большой талант и уж тем более гениальность — «данайский дар» — возвещают о себе очень рано и вопреки всему.

Так называемая непризнанная гениальность — явление сомнительное. Большею частью под этой маской любит

выступать никчёмность, которая вечно жаждет постоянных самооправданий и бесконечных утешений.

Однажды ко мне за помощью обратился один такой «гений». Пришлось нам вместе заняться его непризнанностью. Нескоро, но мы таки сошлись во мнении, что таланту можно навредить, то есть его можно либо покалечить, либо, напротив, развить, укрепить, усилить. Гений же, в отличие от таланта, настолько уникален, что ему, как бессмертному фениксу, любой огонь не страшен. Он по Божьей милости может возникать не только сразу, но и во всей своей силе. И ему даже неважно, насколько его появление осознано другими.

А талант — всего лишь статистическая закономерность, далеко не всегда обладающая необходимой динамикой. Как и гению, таланту свойственна повышенная степень неординарности, которую каждый воспитатель должен иметь в виду. Ибо и талантливая, и тем более гениальная личность для блага всего человечества весьма существенна.

На службу сверхчеловеческому

Подавление воспитателем врождённой аристократичности чревато поголовным усреднением своего народа. Разрушение диктуемой природой иерархической структуры человечества неизбежно — рано или поздно — приводит к катастрофе.

Если данное от природы людское разнообразие начать нивелировать, то «под нож» прежде всего попадёт то, что позволяет человечеству противостоять своему страстному желанию быть ведомым. Ведь мотивация людей, к великому сожалению, весьма ущербна (потому-то над правителями и стоят — до сих пор! — некие высшие символические принципы).

И человек, взятый отдельно, не в силах реализовать смысл своей жизни во всём объёме. Мало того, даже находясь среди других, он также не в силах реализовать смысл своей жизни, пока не поставит *своё Я* на службу чему-то духовному. То есть на службу какому-то сверхчеловеческому порядку.

Тут-то мы и напомним, что человеческое *Я* никогда на всего человека не распространялось. И распространяться никогда не будет. Оно представляет всего лишь его сознательную часть, к которой, чтобы получить целостность (совершенную?!), необходимо добавить недостающую бессознательность. А она, в свою очередь, — по определению! — сознанию неподвластна. Потому как беспредельна...

Умение оглянуться

Поскольку одарённые дети, как правило, предрасположены к некой внутренней конфликтности, то для них оказываются особо полезными (в большей степени, чем перевод в специальные классы) любые проявления личного участия и внимательности воспитателя.

Сердцу воспитателя подобает роль, которую вряд ли можно переоценить. Учебный материал можно сравнить с почвой, необходимой для выращивания растений. А душевную теплоту учителя — с той невидимой атмосферой, без которой растение не сможет тянуться вверх.

Но и «состав почвы» весьма важен для развития юного дарования. Когда школьный учебный материал лишён всеобщего и универсального, когда он чрезмерно деформирован в сторону чего-то одного, чего-то специального, то от этого страдают прежде всего одарённые ученики. Подрастающим дарованиям следует не только понаслышке знать о существовании дверей, ведущих к самым разнообразным областям жизни человеческого духа, но и время от времени заглядывать за них.

Мне представляется важным — в смысле общей культуры — не только внимание к практическому, полезному и грядущему, но и личное знание истории, уважительное отношение к прошлому,

Тяжкая ноша одарённости

умение оглянуться назад. Культура — это континуальность, а не прогресс, оторванный от корней.

Сбалансированность образования

Именно для одарённых величайшее психогигиеническое значение имеет сбалансированность образования. «Уроки истории» (в самом широком смысле), заполняя детскую душу, обеспечивают ребёнку уютную жизнь в некоем дорациональном, донаучном мире.

Все наши корни в мире той человечности, которая была до нас. И каждый ребёнок развивается благодаря им. Зрелость потом отдалит его от этих корней. Но чтобы это произошло, он сначала к ним должен быть прикреплен.

Знание о первоначалах в самом общем смысле наводит мосты между оставленным (или потерянным) миром праотцов и грядущим (ещё не постижимым для нас) миром потомков. Какими средствами мы сможем постигать наступающее будущее, если не будем обладать тем опытом человеческого рода, который нам оставили после себя наши праотцы? Без этого обладания мы, оказываясь без корней и перспектив, становимся лёгкой добычей любого модного поветрия-зablуждения.

Чисто техническое и рациональное образование не в силах уберечь нас от ослепления безумием. Только культура — иными словами, континуальность сверхиндивидуально-го опыта — имеет целительное значение

для внутренней конфликтности, грозящей одарённым.

Трагизм нововведений

Новизна всегда сомнительна. И той пользе, которую она сулит, требуется основательная проверка. Ведь предполагаемая польза на деле может оказаться весьма пагубной болезнью. Истинный прогресс возможен только при зрелости суждений.

Хорошо взвешенное суждение всегда требует прочной опоры, которую даёт нам только основательное знание чего-то уже ставшего. И тот, кто не осознаёт ценности общечеловеческой культуры, тот подвергается опасности пасть жертвой ослепления, исходящего от всевозможных новшеств.

Правда, страсть к нововведениям — слава Богу, не швейцарский национальный порок. Но мир, в котором нам приходится жить, поражён лихорадкой обновления. И трагизм всех модных нововведений в том, что вместе с водой всегда выплёскивают и ребёнка.

Чтобы нашей молодёжи противостоять этому ужасающе грандиозному спектаклю, от неё — во-первых, ради неизбежности нашей Отчизны, а во-вторых, ради самой европейской культуры (которая ничего не добьётся, если достижения христианского прошлого сменяются некоей своей противоположностью) — требуется особая духовная устойчивость. И лидерами в этом могут стать только одарённые. Те, кто для высокого служения — нести светоч — избран самой природой. **НО**